

Виктор Ляпин

Поэт. Родился в 1959 году в городе Кстово Нижегородской области. Окончил Литинститут имени М. Горького (семинар Е. М. Винокурова) и журфак МГУ. Работал футболистом, журналистом, помощником мэра, дворником, сторожем. Автор двух изданных сборников стихов и нескольких сборников пьес. Стихи публиковались в журналах «Студенческий меридиан», «Литературная учеба», «Нижний Новгород», «Урал», «Звонница», в альманахах «Поэзия», «Истоки» и «Земляки». Участник ряда российских и международных театральных фестивалей. Пьесы поставлены в театрах России, Германии, Украины, Белоруссии, Казахстана, Чехии, Австралии, Албании. Живет в Кстово.

Огни на дальнем берегу

* * *

Словно два потерявшихся следа
на зыбучем и темном песке,
и горы непроявленный слепок
с молоком тишины вдалеке.

Кто-то бродит, бурча, перед светом.
Птичьим жестом о плоть окарин
мочит губы в пустом, несогретом,
небом пахнущем доме зари.

Кто-то трогает кожу поленниц,
ищет спички, щепкою сорит.
...И, росу отряхая с коленей,
смотрит: — Что там? Горит, не горит?

* * *

Корни воздуха с поздним пыланьем
жгучей синью набухшей грозы.
Ястребиных кругов кольцеванье,
пенных волн серебристая зыбь.

Будь собой — там, где ива сырая
мочит в облаке веток холсты,
там, где дрожью забытого рая
блещут горсти ракушек пустых.

Темной глубию нахлынет ненастье,
капли крупные в реку кроша,
заливая пчелиное счастье,
иван-чая медвяный пожар.

Не беда, что ты гость и прохожий,
безъязыкий шептаньям в ответ.
Эта синь, эти капли на коже —
как пожатье, и оклик, и свет...

* * *

Видимым всем и невидимым тоже —
купы сирени, несущие лето,
ветер, согретый воздушною кожей,
вечер, распахнутый тихому свету.

Дальних, плывущих огней водопадность,
блеск теплоходов за волжской излукой,
неукротимая нежность и жадность
к взгляду, к дыханью, к томленью разлукой.

Видимым всем и в ночных шелестящим
далях, даруя — без меры, без кары —
жизнь, перекачиваемую по урчащим
черным волнам на пути в Шупашкары.

* * *

Где же все это было? Спроси меня, ангел.
Я отвечу: на Чистых прудах.

И ушло, и уплыло в тумане закатов,
и растаяло в шелковых льдах.

Никогда не вернуть, никогда не покинуть.
Лишь для нас в переулках ночных
снова держат Атланты на согнутых спинах
время Яблочных Спасов шальных.

Лихо брызнет Кузнецкий цыганским монисто,
и, прижавшись ко мне для тепла,
доведи, доведи до Пречистенки мглистой,
где в бассейне плывут купола.

Тот же день — тот же каменный рыцарь плечистый,
и под ливнем асфальта слюда.
...Только нет тебя, нет тебя больше на Чистых,
на беспмятно Чистых прудах.

Пловец

Он выбрал день и бросился в пучину —
за жарким солнцем, за сверканьем волн.
Оставив поле, дом, подругу, сына,
он плыл и плыл, веселой силы полн.

Устало солнце и скатилось в море.
Закат осенний волны всколосил.
Он плыл, с землей покинутою споря,
он плыл и плыл, пока хватало сил.

И глядя, как крошатся в море звезды,
шепча себе — не сбиться, не заснуть —
он плыл и плыл, глотая звездный воздух,
дыша судьбой, держа на млечный путь.

Когда приходишь к берегу ночному
и пьешь тоску луной облитых вод,
вглядись — там, где-то там, в свой звездный омут
пловец плывет, плывет, плывет, плывет...

Снег листопадом
кружит над садом
белым, сплошным листопадом,
к мокрым глазам
прикасается взглядом:
«Тише, приятель. Я рядом».

Снег твоих дней,
сотворенный, безбрежный,
сыплет все гуще, сплошней
над отуманенной церковкой нежной
в пятнах свечей и огней —

мягко струится, в ночи хорошея,
собранным светом горит,
словно Инеш белоснежная шея,
с кровью кипящей внутри.

Просто ли празднику
в снежном тумане,
в тех ли дверях огоньки?
Вдруг он закружит, завьюжит, обманет,
сманит? — не видно ни зги...

Глянешь — там в шубы
одеты прилежно,
в жемчуге — белая блажь —
липы с обрыва срываются снежно
стайкой на брошенный пляж.

В мутную, белую рядится вьюгу
снег твоих слов, твоих снов,
с церкви все глуше гудят про разлуку
головы колоколов.

И похваляется белым нарядом
путник, почти человек.
Белым, метельным, ночным листопадом
водит в лугах своих снег.

Песочница

И разобьют стены Тира и разрушат башни его...
Местом для расстилания сетей будет он среди моря...

Книга пророка Иезекииля.

На местный Понт вливается осень.
Грусть прошивает. Жизнь — копейка.
Сквозь зелень лип туман приносит.
В песочнице совок и лейка.

Для девочки, иконы стиля —
виссон, коралл, от мамки в дамки —
малец, внук Иезекииля,
песочные возводит замки.

— Вот это Тир, где боги немые,
а здесь Дамаск с вином Хелбонским,
купцы из Савы и Раемы,
Фогарм с дарами полчищ конских.

Ах, жадный Тир, в твои кулисы
уже спешит разящий с гневом —
суда из кедров, кипарисов
крушить под изумленным небом.

О, бедный Тир в гребцах и кормчих,
в карбункулах грехов и славы!
Египет парусов искомкав,
совок судьбы громит лукавых —

девчушка, под дождем шуруя,
сметает дар князей Кидарских,
шерсть белую, златую сбрую,
кровавый чан наложниц царских.

Слоновой костью, сладью, медом
ты хвастался, глупец, не слушал
пророков нищих, злых уродов,
в любовных грезах грея душу.

Ладошкою сотрет бесследно
дворцы, суда, харчевни, спальни.
— Ну, где твой Тир, мальчишка вредный?
...А день дождливей и печальней.

За девочкой приходит мамка
«Ах, ты, грязнуля! Что за бредни?»
И ножкой маленькая самка
сбивает Тира блеск последний.

* * *

И Гелиоса златобокие быки
в кострах на свалке роются пугливо.
Сбежали, съехали с дороги, дураки,
разрыли русла рек, сожгли оливы.

— Подай, хозяйка, нам горбушек и вина.
...Хозяйка хлещет их моченой хворостиной:
— Вот вам, балбесы, за худые времена!
Мне б за своею усмотреть скотиной.

— За что ж ты сердисься, прекрасная карга?
Случайно сбились мы с дороги.
В топленых потерялись мы лугах,
туманов напились, стороги и стоноги.

И в зернах стекол сквозь закат горит жильё.
Устала, кормит хлебом всю ораву.
— Ах, горе вы мое, — и слезы льет.
— Отмою, отведу на переправу.

...Над первой мглой, над жарким шелестом пшениц,
ложатся, присмирив, за церковью высокой.
Ночь осыпает их травую из кошниц,
младенчески поит росистым соком.

Младенцы ждут на дальнем берегу.
Из черных глаз блестит огонь Стожаров.
И спят — во сне друг друга стерегут,
запутавшиеся в осоках, днях, пожарах...

Огни на дальнем берегу

1.

Огни на дальнем берегу. Костры и бакены в тумане.
Темны заволжские луга, дождями вытянуты в нить.
Разлив. Стоять, глядеть, курить и разминать табак в кармане.
Разлив. И не избыть реки, и никогда не переплыть.

То сажа, то песок, то снег летят с небес в речную воду.
Кричит суденышко в волнах, как в мед попавшая оса.
И варварский, гортанный стон доносится сквозь непогоду,
где ветер колокол глухой на белой церкви развязал.

Кормиться ветром, льдом, плотвой слетелись стаи хмурых чаек;
над мутной пеною крутятся, орда их серая шумит.
И телогрейку натянув, выходит пристани начальник,
которому мистраль апрельский в штаны надул радикулит.

Он смотрит вдаль и видит мрак, и усмехается устало,
и думу думает старик: вот рубануть канат — и в путь.
Но, пристань оглядев свою, он материт кого попало,
и возвращается опять в свою каюту отдохнуть.

Когда же сменщица придет, он с нею выпьет бормотухи,
завалит бабу на лежак и станет жадно обнимать,
пытаясь выпить горький мед, хотя откуда мед в старухе?
А после скажет, утомясь: «Пойдем глядеть на реку, мать».

И будет тот же дождь кропить, глаза и мысли остужая.
И сторож в церкви побредет на колокольню с фонарем.
И будет двигаться река, то льдину, то бревно рожая,
шепча невнятные слова на древнем языке своем.

2.

Прошло... — жизнь с гаком... Берега... Костры... Разодрано пространство.
Ни сном, ни кровью не связать. Потерь и пиршеств колдовство.
Здесь для меня — отцова грусть. Отцова тьма. Отцово пьянство.
Отцова боль. Его любовь. Ко мне, забывшему его.

Огни на берегах. Огни. Нет ни начала. Ни причала.
Река омыла, как слезой, живой водой отчизны плоть.

Ты вроде плыл. Ты вроде жил. А глянешь — гнил, и жизнь мельчала.
Хватило слабенькой волны, чтоб весь твой пыл перемолоть.

Старик старуху схоронил. И сам... Лишь верба к склону жметя.
Огни на берегах. Огни. Шалман, где раньше был причал.
Но кажется: лишь протяни сквозь время руку — он вернется.
...Не тянется — как ни томи... Портал, затерянный в ночах.

И мы уйдем. И смоем грунт. И съест река нагие кости.
Отец и сын. В лугах потерь. Рыбак и странник. Плоть и прах.
Обрыв. И церковь. И трава. И земляника на погосте.
И над излучиной звезда. И чья-то лодка на песках.

Ты не исправишь ни строки, в зерно не возвратится колос.
В слезах умойся, в волны кинь все, что собрал с богатых тризн.
В шалмане сладко водку пьют. И тянет песню женский голос.
А мимо вечные плывут — старик, старуха, пристань, жизнь...

